

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

КОРОЛЬ ХИТРОСТИ

ВОЛШЕБНЫЕ МИРЫ ДМИТРИЯ ЕМЦА

Классическая серия фантастики, приключений и фэнтези!
Оторвись от реальности!

Дмитрий Емец

Король хитрости

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142588

Емец Д. Король хитрости: Эксмо; М.; 2004

ISBN 5-699-08288-3

Аннотация

В своей жизни Филька Хитров, лентяй и большой выдумщик, попадал в такое невероятное количество дурацких историй, что для того, чтобы сосчитать их, не хватило бы пальцев не только на его руках и ногах, но и на руках и ногах всего 7-го «А». Он на спор мог прикинуться старушкой или замаскироваться под снеговика и потом целый месяц с видом триумфатора на глазах у всего класса поедать свое честно выигранное мороженое. А однажды Филька получил приз – видеоприставку – за лучший костюм к новогоднему балу, явившись на утренник в мешке с подарками! Больше всех были удивлены Дед Мороз, притащивший этот мешок, и Снегурочка. Одним словом, Хитров вполне оправдывал свою фамилию. Но как-то раз он, что называется, сам себя перехитрил...

Содержание

Рассказ первый	4
Рассказ второй	11
Рассказ третий	18
Рассказ четвертый	28
Рассказ пятый	37
Рассказ шестой	45
Рассказ седьмой	58
Рассказ восьмой	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дмитрий Емец

Король хитрости

Рассказ первый

Инопланетяне

Филипп Хитров из 7-го «А» – большой выдумщик. Иногда такое завернет, таких подробностей насочиняет, что и сам себе с трудом верит. И кто его за язык тянет?

Как-то апрельским днем Филька вышел из дома с твердым намерением успеть на диктант, но вдруг увидел, что на пруду младшекласники катаются на льдинах.

«Вот безобразие! – подумал Хитров. – Еще упадут в пруд и утонут. Надо их шугануть!»

Вскочил Филька на льдину, прогнал мальчишек, а пока прогонял, ему самому так кататься понравилось, что до вечера на пруду и проторчал. Разумеется, ни на какой диктант наш герой не попал.

«Вот до чего дурной пример заразителен! Если б я эту малышню не встретил, и школу бы не прогулял!» – размышлял Филька, возвращаясь вечером домой.

А назавтра учитель русского языка и литературы Максим Александрович, молодой, недавно окончивший инсти-

тут, его строго спросил:

– Хитров, почему ты вчера не был на районном диктанте? Только не ври, что болел.

А Филька возьми да и ляпни ни с того ни с сего:

– Нет, не болел. Просто я вчера инопланетян видел!

Эти слова просто сами собой вылетели, он их заранее не продумывал.

Класс, понятное дело, разразился хохотом. А Максим Александрович рассердился:

– Не корчи из себя шута! Каких еще инопланетян?

– Гуманоидов, – ответил, не растерявшись, Филька. – Двух гуманоидов мужского пола и одного, видимо, женского. Это я понял потому, что те двое ростом были повыше и в плечах шире.

И так он серьезно это объяснил, что сам почти поверил. Да и класс почему-то сразу затих.

– А где ты их видел? – спросила Анька Иванова, симпатичная темноволосая девчонка с ямочками на щеках, владелица бестолковой немецкой овчарки по кличке Мухтар.

– На пустыре, где мы осенью костер жгли, – уверенно ответил Хитров.

– А тарелку их летающую видел?

– Нет, тарелки не было. Наверное, они ее где-то в лесу спрятали. Или, может быть, она на орбите Земли осталась, а они с нее катапультировались. Не знаю точно. А раз не знаю, не хочу врать. Не в моих это правилах.

– А они какого роста? Высокие?

– Не особенно. Может, чуть выше меня, – пожал плечами Филька.

– Они с тобой в контакт вступали? – поинтересовался Максим Александрович.

– Вроде хотели. Они подошли совсем близко, издавали какие-то свистящие звуки и жестаи что-то объясняли. Но я ничего не понял.

– А телепатия? Ты должен был услышать их мысленный сигнал! – подсказал Коля Егоров, хорошист, помешанный на фантастике.

Филька сделал вид, что вспоминает:

– Мысленный сигнал? Я ничего не слышал. Может, у меня мозги не так устроены.

– А ты в шапке был? – уточнил Колька.

– Не в противогозде же. В шапке.

– Тогда понятно. Через шапку телепатические сигналы могут не проходить, – глубокомысленно кивнул Егоров.

– А ты испугался? – спросила Анька Иванова.

– Понятное дело, испугался. Врать не буду. Но и любопытно очень было...

– Еще бы! Не каждый день инопланетян встретишь, особенно в нашей-то глуши, – важно заявила Рита Самойлова, первая красавица и богачка 7-го «А». За ней в школу почти каждый день приезжал на машине папин шофер на иномарке.

Филька на вопросы отвечает, а сам незаметно на Максима Александровича косится. Интересно, поверил ему учитель или нет? Но у того лицо такое строгое и неопределенное, что ничего нельзя понять.

– А потом гуманоиды в сторону леса пошли, – продолжил Хитров. – Идут, оглядываются. А маленькая, на женщину похожая, рукой машет. Мальчик, мол, не бойся, иди за нами!

– И ты пошел? – полушепотом спрашивает Коля Егоров, а сам вперед наклонился, так внимательно слушает.

– Нет, конечно, – покачал головой Филька. – В лесу снег еще глубокий, почти по колено. Да и страшно, мало ли чего они хотят. Может, на опыты меня заманивают, чтобы узнать, как мы, земляне, устроены. А может, чучело хотят сделать? Дурак я, что ли, за ними идти?

– Эх ты, шляпа! – заорал Колька Егоров, красный как вареный рак. Кричит, а сам на Фильку надвигается: – Какой шанс был, а ты его упустил! Один раз за всю историю Земли инопланетяне хотели вступить в контакт, а ты испугался! Вот я бы на твоём месте...

– А ну замолчи, Егоров! – заступилась за Хитрова Анька Иванова. – Это ты здесь смелый. А увидишь настоящего инопланетянина, еще больше перепугаешься. Я ведь помню, как ты от моего Мухтара бегал! А Филька с Мухтаром за просто играет!

– А чего мне его бояться? Немецкая овчарка она ведь не крокодил. Если не нарываться, не укусит, – сказал Хитров, а

сам подумал: «Ага, а я Аньке-то нравлюсь! Как она за меня горой!»

– А потом что было? – не понимает любопытная Ритка Самойлова.

– Ну я кое-как успокоился, в себя пришел – и домой. Только вернулся, а тут глянь – уже темнеет. Сам не пойму, куда весь день делся.

– Это временной провал с тобой произошел! Вроде гипноза! Все, как в научной литературе! – воскликнул Егоров.

Филька сочиняет, а сам на учителя посматривает. «Интересно, сработало?» – думает.

Максим Александрович на него взглянул, усмехнулся, потом по столу журналом стукнул и сказал:

– Тишина! Продолжаем урок! А диктант ты, Хитров, на той неделе напишешь. Так что готовься!

И стал как ни в чем не бывало объяснять про прилагательные: какие из них качественные, какие притяжательные, какие относительные и как их отличать.

«Ну вот! – размышляет Филька. – Не поверил! Хорошо хоть пару не поставил и завучу не пожаловался. Здорово я отмазался!»

А на другой день Максима Александровича в школе не было. В учительской объяснили: отпросился и в Москву зачем-то уехал. Ну нет, так нет. Это даже хорошо, что нет: литературу можно не учить.

А вечером Филька сидел в своей комнате и клеил модель

крейсера, а тут вдруг мать из кухни закричала:

– Иди сюда скорее! Тут твоего учителя в «Новостях» показывают!

Бросился Филька на кухню, а там в телевизоре – Максим Александрович. В пиджаке, в новом галстуке. Дикторша у него спрашивает, а он рассказывает, как и при каких обстоятельствах к ним в поселок инопланетяне прилетали. И про то, что их трое было, и про свистящую речь, и про жесты – все слово в слово, как Филька сообщил.

– Меня, – говорит Максим Александрович, – один из моих учеников о них проинформировал, а я затем в лес пошел, стал то место искать и возле летающей тарелки их увидел. Они гуманоиды. Ростом примерно метр шестьдесят, два мужского пола и один женского... К сожалению, у меня не было с собой фотоаппарата... И потом, когда я их увидел, со мной произошло что-то вроде временного провала. Гипноз, одним словом.

Филька его слушает, а у самого глаза на лоб лезут. Ну дает учитель! Перед всей страной!

После этого случая Максим Александрович вернулся назад уже известным человеком. Все о нем говорят, в гости приглашают, старшеклассницы в него влюбляются. Как-никак гуманоидов видел, а самого по телевизору показывали. А Фильке он по диктанту тройку поставил, хотя Хитров его и не писал. Вроде как отблагодарил.

– Странная штука жизнь, – говорит теперь иногда Филь-

ка. – Инопланетян я первым увидел, а он прославился.

Рассказ второй

Ледовое побоище

В школе готовились к олимпиаде седьмых классов по истории. Учительница истории Мария Вячеславовна собрала 7-й «А» после уроков, выдержала паузу, чтобы все прониклись серьезностью мероприятия, и сказала:

– Никому не надо объяснять, как важна эта олимпиада для нашей школы. На нее съедутся самые сильные и подготовленные ребята со всего района. Будет комиссия из отдела образования. Поэтому, сами понимаете, мы как хозяева олимпиады не можем ударить в грязь лицом. Нужно хорошо подготовиться!

И Мария Вячеславовна начала распределять поручения. Отличникам, которые должны будут участвовать в конкурсе, она раздала читать ксероксы дат из книжек по истории, другие получили задание оформить стенгазету и нарисовать планы крупнейших исторических сражений – Бородинской битвы, Куликовской, Полтавской и других. В результате почти весь 7-й «А» оказался при деле.

Сидевшие на предпоследней парте Коля Егоров и Филька Хитров, как всегда, отлынивали. Егоров играл под столом в тетрис, а Хитров писал на парте ручкой: «Курт Колбейн жив».

– Что я вижу? Егоров с Хитровым в своем репертуаре! Опять им лопат не хватило! – внезапно услышали они голос Марии Вячеславовны.

От неожиданности Филька пропустил в фамилии «Кольбейн» мягкий знак, а Коля нажал в тетрисе не на ту кнопку и загробил всю игру. Они поняли, на что намекает Мария Вячеславовна. Недавно был субботник по уборке школы и посадке деревьев, а они с него сбежали, сказав, что идут искать лопаты, а сами до вечера играли на компьютере и, разумеется, на субботник уже не вернулись.

– А вы собираетесь что-нибудь сделать к олимпиаде? – спросила учительница, подходя к ним и глядя на них в упор. Так как Мария Вячеславовна была еще и классной руководительницей, то Хитров быстро закрыл Кольбейна локтем, а Егоров зажал тетрис коленями и сделал вид, что листает тетрадь.

– Я придумала для вас особое поручение, – продолжала историчка. – Вы, кажется, говорили, что любите смотреть фильмы про рыцарей? Вот я и решила, что вы будете изображать Ледовое побоище!

Коля и Филька невольно заинтересовались. Они думали, что им поручат какую-нибудь скукоту, вроде чтения докладов, а тут Ледовое побоище!

– Подготовьте рыцарские доспехи из картона, сделайте мечи, копья и будете сражаться. Ну как? – И учительница, довольная своей идеей, победоносно посмотрела на ребят.

– Вроде неплохо. А тебе как? – осторожно отозвался Филька, покосившись на Колю.

– Оно бы ничего, – протянул Егоров. – А как же кони? Рыцари же ездили верхом!

– Были и пешие, – успокоила его учительница. – Так что смотрите – я на вас надеюсь!

Вернувшись из школы, ребята сразу стали готовиться: Ледовое побоище целиком захватило их воображение. Вообще-то они были лентяи и не любили вкалывать, но чего стоит возможность покрасоваться в доспехах, не говоря уже о сражении!

Две недели ребята до позднего вечера готовились к своему выступлению, даже уроки забросили. Хорошо, что они жили в соседних подъездах и ходить друг к другу было недалеко.

Друзья клеили из картона доспехи, рисовали, вырезали, читали энциклопедии о вооружении и доспехах, чтобы все соответствовало эпохе. Родители, увлекшись, им помогали. Мама Фильки нарисовала на щитах льва и дракона и написала девизы, а папа Коли сделал из старых швабр отличные копья и купил в магазине два пластмассовых меча, еще больше пополнив вооружение.

– Смотрите только друг друга не покалечьте! – предупредил он.

– Не волнуйтесь, мы обо всем договорились! – сказал Филька. – Я представляю русского князя, а он – немецкого

рыцаря в рогатом шлеме. Мы будем сражаться, а потом я его ударю и он упадет, как будто я его убил. Ведь в Ледовом побоище мы победили!

И вот наступил день олимпиады. Она проходила в большом зале, куда собрались почти все ученики школы и приглашенные. Кроме ребят тут были и директор, и завуч, и члены районной комиссии. Вначале должно было начаться представление, а потом уже в классах будет конкурс с вопросами и тестами.

Пока на сцене выступал хор, Егоров и Хитров за кулисами спешно надевали доспехи: кольчуги из скрепок, панцири, наплечники... Во всем этом снаряжении можно было запутаться, но Филька с Колей уже достаточно потренировались, надевая его дома. И вот последний штрих – Филька водрузил себе на голову русский остроконечный шлем с выступом, защищающим нос, а Коля – немецкий, с забралом и двумя загибающимися рогами. Они подошли к зеркалу и сами себя не узнали: на них смотрели два незнакомых рыцаря, решительных, отлично снаряженных и готовых к битве.

– Ну что, готовы? – За кулисы заглянула Мария Вячеславовна и тотчас громко объявила всему залу: – Сцену Ледового побоища представляют ученики 7-го «А» класса – Николай Егоров и Филипп Хитров.

– Значит, так: вначале сражаемся, и ты отбиваешь все мои удары, а потом один удар пропускаешь и падаешь, – быстро шепнул Филька. – Ничего не забудешь?

– Ты уже двадцать раз это повторил, вот зануда! – проворчал Егоров, и они вышли на сцену.

Зал был полон. Все стулья заняты, а некоторые зрители стояли у стен и выглядывали из-за распахнутых настежь дверей. Коля вначале немного растерялся, но потом вспомнил, как они репетировали, и громко сказал:

– Ха-ха-ха! Рус сдавайся! Ты будешь мой рап! Ха-ха-ха! Я Дитрих фон Клюге – храбрый рыцарь!

– Отступать некуда! За нами Русь! Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим! – Филька решительно схватился за копьё.

Егоров замахнулся своим копьём, и Ледовое побоище началось. То один, то другой наносили уколы и ловко отбивали их щитами. «Вот немчуря! Крепкий какой попался! – подумал Хитров, едва увернувшись от очередного удара. – Ну все, пора его побеждать!»

– Русские не сдаются! – закричал Филька.

Он отбросил копьё и выдернул из ножен свой меч. Коля тоже выхватил свой. Филька наносил удар за ударом, и немецкому рыцарю давно уже следовало падать, а он все еще был на ногах и, разгорячившись, размахивал своим мечом, норовя достать им русского воина.

– Ты что, все забыл? Давай падай! – зашипел на него Филька, когда они столкнулись грудью.

– Сам падай! А я не буду! – Коля отбросил щит, схватил меч двумя руками и стал нападать уже всерьез. Он оттеснил

Хитрова к краю сцены, и тот едва не упал в зрительный зал.

«Где это видано, чтобы русских били?» – рассердился Хитров. Он тоже избавился от щита и стал размахивать мечом уже по-настоящему. Ему удалось отсечь от шлема Коли рог и погнуть его доспехи, а тот, в свою очередь, снес Фильке один из картонных наплечников. Зрители, сообразив, что на сцене идет нешуточная схватка, дружно вскочили. Одни болели за Колю, другие – за Фильку. «Давай его, Колян! Мы за тебя!» – вопили одни. «Врежь ему, Филька! Бей фрица!» – кричали другие.

С равным успехом «актеры» бились уже минут пять, когда из-за кулис высунулась голова Марии Вячеславовны.

– Что за безобразие? Прекращайте скорее! Вы всю программу нам срываете! – громко прошептала она.

Ребята спохватились, что в самом деле зашли далеко.

– Давай, убивай меня! – шепнул Коля.

Он пропустил один из ударов, и Филька, взмахнув мечом, сделал вид, что отсек ему голову. Но не успел Хитров порадоваться победе и крикнуть «Ура!», как Егоров коварно вскочил и ткнул его мечом в бок. Фильке ничего не оставалось, как притвориться, что он ранен, и уползти за кулисы. Коля на четвереньках, делая вид, что стонет, отправился за ним. Спасая положение, на сцену быстро вышел директор и стал поздравлять всех с началом олимпиады.

– Ты почему Ледовое побоище вничью завершил? Совсем очумел? – закричал за кулисами Филька и, отбросив меч, на-

бросился на Колю с кулаками. Учительница пыталась их разнять, да куда там! Они сцепились и покатались по полу, срывая друг с друга доспехи. Сгоряча они выкатились за сцену. Едва не сбив директора с ног, Филька все-таки подмял Колю и, положив его на лопатки, закричал: «Ура, русские победили!» – и испытал в этот момент ни с чем не сравнимую гордость.

Вскоре с замечаниями в дневниках, с фингалами и изрубленными картонными доспехами «актеры» понуро возвращались домой. Около самого подъезда Филька остановился и посмотрел на Колю.

– Ладно, Егоров, пускай ты не захотел сдаваться. Это еще понятно. Но объясни мне одну вещь. Почему ты меня ударил? Я же тебя убил! Отрубил тебе голову!

– А я из последних сил! – ответил Коля.

Рассказ третий

Маскировка

Дело было в зимние каникулы. Филька Хитров, Коля Егоров и Антон Данилов возвращались со дня рождения Риты Самойловой, где они только что посмотрели по видику новый боевик. В фильме герой-ниндзя маскировался, сливаясь с зеленью и стволами деревьев, нырял в озеро и дышал через бамбуковую трубку. Ниндзя прятался так ловко, что его на протяжении всего фильма не могли схватить сотни самураев, преследующих врага по пятам.

– Спорим, я смогу так замаскироваться, что вы меня не найдете, хотя будете совсем рядом! – вдруг заявил Хитров.

– Как бы не так! – засмеялся Коля Егоров. – Тоже мне ниндзя нашелся! И минуты не пройдет, как мы тебя отыщем.

– Хорошо, – сказал Филька. – Посмотрим! Дайте мне три попытки и по полчаса времени на подготовку каждой.

– Как это по полчаса? – не понял Антон.

– А так. Вы уйдете со двора и пообещаете полчаса за мной не подглядывать, чтобы у меня было время замаскироваться.

– Да ты за полчаса на другой конец поселка убежишь. Естественно, там тебя не найдешь, – хмыкнул Колька.

– Нет. Я обещаю прятаться только в нашем дворе.

– И никуда со двора не уходить?

– Никуда.

– А как мы узнаем, что ты именно во дворе прячешься, если мы тебя не найдем?

– А вы крикните мне погромче: «Сдаемся!» – и я выйду из своего укрытия. Вот вы и убедитесь, что я именно во дворе, а не где-нибудь еще.

– По рукам. Можешь прятаться три раза подряд. Но учти, если мы найдем тебя три раза из трех, ты отдаешь нам свой снежок, – предупредил Антон.

Филька задумался, что-то прикидывая.

– Ладно. Но если хотя бы раз вы меня не найдете, тогда целый месяц покупаете мне по мороженому в день! – объявил он свое условие.

– Идет! Тогда раз, два, три – начали! – Ребята засекли время и пошли к Данилову играть на компьютере, а Филька побежал домой готовить свою маскировку.

Ровно через полчаса Антон и Колька вышли во двор и осмотрелись. Они не раз играли здесь в прятки и знали все укромные места, так что были уверены, что им не составит труда найти Фильку. Но ни за железным ящиком с песком, ни за бортиками катка, ни за досками его не нашли, а больше прятаться было и негде.

– Ты уверен, что он не у себя дома сидит? – с сомнением спросил Данилов.

– Он не стал бы нарушать правила. Давай его получше поищем, – сказал Колька. – Нужно применить дедуктивный ме-

тод.

Он стал внимательно оглядывать снег и заметил следы, которые шли от Филькиного подъезда к одному из деревьев. Егоров подошел к этому дереву, поднял голову и увидел почти на самой верхушке сидевшего на ветке Хитрова.

– Слезай, ниндзя! – крикнул он. – Мы тебя нашли!

Удрученный Филька спустился с дерева.

– Учтите: у меня остались еще две попытки! – мрачно напомнил он.

– Хорошо, но не забудь про снежокат. Через полчаса мы снова будем во дворе, – засмеялся Антон, и вместе с Колей они снова скрылись в подъезде.

Филька некоторое время чесал затылок, оглядывая двор, а потом хитро ухмыльнулся.

Через полчаса ребята снова вышли из подъезда. Они опять осмотрели все укромные места и все верхушки деревьев на случай, если Филька вновь туда залез, но его там не было.

Тогда, вспомнив, как в таких случаях поступали самураи, Антон и Колька разделили двор на секторы и обошли каждый участок шаг за шагом, но Хитрова так и не обнаружили. Двор вообще был пуст, если не считать сгорбленной старушонки в платке, которая сидела на лавочке у соседнего подъезда.

– Ишь ты как запрятался! И не найдешь его! – сказал Колька.

– Видишь ту бабуку? Давай у нее спросим, где Филька! – предложил Антон. – Она тут сидела и видела, куда он спрятался.

– Это нечестно, – сказал Коля.

– Но мы же не обещали, что не будем ни у кого спрашивать. Тебе что, охота целый месяц кормить его мороженым? Мы тихонько спросим, он и не узнает.

– Ну давай, – кивнул Коля, и ребята подошли к старушке. Она, сгорбившись, сидела на лавке. Ее лицо почти целиком было закрыто шерстяным платком.

– Бабушка, вы тут мальчика не видели? Куда он спрятался? – спросил Колька.

Та ничего не ответила, а только еще больше сгорбилась.

– Она, наверное, глухая, – сказал Антон.

Он хотел уже уйти, как вдруг случайно увидел ноги старушки. На ней были черные тупоносые ботинки, точно такие же, как у Фильки. Данилов запомнил эти ботинки, потому что сам хотел такие же.

Заметив, что мальчик рассматривает ее ноги, старушка попыталась спрятать их под лавку, но было уже поздно. Антон заглянул ей под платок, и они увидели скрючившегося Фильку в женской шубе.

Ребята расхохотались, до того это было нелепо:

– Ну ты даешь! Старухой вырядился! Надо бы тебя в таком виде сфотографировать!

– Если бы не ботинки, вы бы меня не нашли. Виноват я,

что ли, что на меня бабкины сапоги не налезли? – обиделся Хитров и умчался переодеваться.

– У тебя осталась последняя попытка! Время уже идет! – крикнул ему вслед Антон.

Филька раздраженно отмахнулся от него и, путаясь в старушечьей юбке, вбежал в подъезд. Антон и Колька посмеялись над незадачливым приятелем и снова пошли играть на компьютере.

– Со старухой он неплохо придумал, но все равно был обречен на проигрыш, – сказал Данилов. – В нашем дворе просто невозможно нормально спрятаться. Здесь всего-то и есть, что десяток деревьев, песочница и каток.

Полчаса спустя они снова вышли во двор. Ребята рассчитывали на этот раз найти Хитрова без особых хлопот, да не тут-то было. Ни подозрительных старушек на лавочках, ни новых следов на снегу на этот раз они не обнаружили. Друзья обошли весь двор, заглянули в каждое укромное место, внимательно осмотрели все деревья, но Филька как сквозь землю провалился.

– Нет его нигде! – сказал Колька.

– Быть не может! Давай посмотрим по второму разу! – предложил Антон.

Увидев, что из подъезда вышла какая-то старушка, он с торжествующим воплем бросился к ней, крича: «Стой, ты разоблачен! Гони снежокат!» – но Колька сшиб его в сугроб.

– Ты что, сдурел? Это моя бабушка! Она в магазин идет!

– Ты уверен, что это твоя бабушка, а не Филька? – не поверил Данилов.

– Что я, по-твоему, своей бабушки не узнаю! – рассердился Егоров.

И они снова принялись за поиски. Целый час искали. Перерыли весь двор, даже заглянули в мусорный бак, но Филька словно в воздухе растворился. Наконец, отчаявшись, они остановились посреди катка, на котором стоял большой снеговик с носом-морковкой.

– Смотри, снеговик, – сказал Колька.

– Да плюнь ты на него. Небось какая-нибудь малышня слепила, – отмахнулся Антон.

– Ты точно везде проверил?

– Точно.

– Может, он у себя дома сидит?

– Может, и сидит. Давай крикнем: «Сдаемся!» – и если он не выйдет, значит, дома, – предложил Антон. – А если его нет во дворе, то он все равно снежок проиграл. Мы не договаривались где-нибудь еще прятаться.

– Хорошо, давай кричи! – согласился Егоров, и они закричали:

– Сдаемся! Эй, Хитров, мы сдаемся! Вылезай!

Филька не отзывался.

– Значит, он дома, – с облегчением сказал было Колька, но тут за их спиной внезапно раздалось: «Ап-чхи!»

Ребята повернулись, но, кроме снеговика, там никого не

было. Друзья недоуменно переглянулись, не понимая, кто это мог чихнуть, но тут внезапно снеговик вздрогнул и рассыпался. Из него, чихая, показался Филька. Он был весь в снегу и дрожал.

– Н-ну ч-что, н-не н-нашли? – стуча от холода зубами, спросил он. – Т-так в-вам и н-надо!

– Ты все это время в снеговике просидел? – поразился Антон.

– А г-где еще?

– А как ты туда попал?

– Очень просто. Попросил малышню, и они меня закатали.

– А как же ты дышал?

– Через т-трубку! Смотрите и учитесь! – И Филька показал трубку ныряльщиков, конец которой, когда был внутри, незаметно выходил из затылка снеговика.

Это было явное поражение, и Данилов с Егоровым его признали.

– Чего ты дрожишь? – спросил Колька.

– З-замерз. Ты попробуй полчаса в снеговике проторчать. Даже пошевелиться нельзя! – сказал Филька, отряхивая снег.

– Ничего не поделаешь. Придется тебя целый месяц мороженым кормить! Хочешь, первую порцию мы прямо сейчас купим? – предложил Егоров.

Синие Филькины губы задрожали, и он отшатнулся.

– М-мороженое! Только не с-сейчас! – и, чихая и дрожа,

Хитров отправился к своему подъезду.

Антон посмотрел ему вслед и сказал:

– Бывшие снеговики мороженого не употребляют!

– Ничего, если он не заболит, я уверен, что завтра он передумает, – сказал Колька.

Так и произошло. Филька, сумев отогреться, целый месяц с видом триумфатора на глазах у всего класса поедал свое честно выигранное мороженое.

– Все-таки Филька нас обхитрил! – говорил Данилов.

...Внезапно снеговик вздрогнул и рассыпался.

Из него, чихая, показался Филька.

Он был весь в снегу и дрожал

– Что ты хочешь: фамилия у него такая! – отвечал Колька.

Рассказ четвертый

Клад

Однажды Филипп Хитров решил разыграть Антона Данилова. Он собрал Колю Егорова, Аню Иванову и Риту Самойлову и сказал им:

– Как насчет того, чтобы подшутить над Антоном? По моему, он слегка зазнался.

– А, по-моему, ты больше его зазнался, – заявила Рита.

– Мне можно, я умный и изобретательный, – нашелся Филька.

– Скромности тебе не занимать! – засмеялась Аня Иванова.

– Да уж не у тебя, это точно, – согласился с ней Хитров. – Пока своей хватает.

– А как ты хочешь разыграть Данилова? – спросил Коля.

Филька заговорщицки поманил всех к себе:

– Нужно сделать так, чтобы Антон как бы случайно нашел старинную карту, в которой было бы обозначено место, где зарыт клад.

– Клад? – удивленно переспросила Рита.

– Представьте, – продолжал Хитров, – мы подбрасываем Антону карту, он идет в лес, находит обозначенное на карте место и начинает копать. Копает, копает, наконец вырывает

огромную яму и...

– И в яме ничего нет! Вот здорово! – потирая руки, воскликнул Колька.

– Как раз наоборот! В яме – сундук. Он открывает сундук, думая, что он полон золота, а в нем бумажка: «ДЕРЖИ КАРМАН ШИРЕ! ОДНОКЛАССНИКИ».

– А где мы возьмем сундук? – спросил Егоров.

– Кажется, у нас в сарае стоит старый сундук. Думаю, можно будет его взять, – вспомнила Рита.

– Отлично! – воодушевился Филька. – Тогда за дело!

В тот же день они с Колькой отправились к Самойловой и вытащили из сарая здоровенный сундук с кольцом на крышке. Хитров придирчиво оглядел его и заявил, что он выглядит слишком новым.

– Надо бы по нему молотком поколотить и краску напильником содрать, – предложил он.

– Ну уж нет! Попробуй только, я его сразу заберу! – заартачилась Рита.

– Ладно, и так сойдет, – вздохнул Филька. – Земля налипнет – будет то, что надо.

– А где мы его зароем? – спросила Иванова.

– У речки в лесу есть подходящая поляна, – подумав, ответил Филька.

– Но туда ужасно далеко тащить. Может, где-нибудь ближе? – ужаснулась Аня, рассматривая большущий сундук.

– А ты что хотела? Принести сундук к порогу Данилова,

позвонить в дверь и сказать: «Мы с почты! Вам клад! Распишитесь в получении», – съехидничал Филька.

Они с Егоровым взгромоздили сундук на тележку и, пытаясь, покатали ее по лесной тропинке.

– Ну и тяжеленный! – выдохнул Егоров.

– Старинные сундуки все такие, – объяснил Филька.

Внезапно он вспомнил о чем-то и остановился.

– Чего ты? – удивился Колька.

– Где лопата? У тебя?

– Нет, у тебя, – замотал головой Егоров.

– Значит, мы ее в сарае забыли, – сказал Хитров и побежал в поселок за лопатой.

Когда он вернулся, почти полтора часа ушло, чтобы выкопать яму нужной глубины и опустить в нее сундук. Ребята забросали яму землей и притоптали ее сверху, замаскировав сухими листьями, чтобы нельзя было догадаться, что она свежая.

– Уф! Теперь осталось подготовить фальшивую карту и подсунуть ее Данилову! – сказал Филька, вытирая пот со лба.

– А кто этим займется? – спросил Колька.

– Кто, кто... Дед Пихто! – передразнил Хитров. – Я, разумеется.

Половину воскресенья он возился с картой. Родители, думая, что сын делает уроки, не могли прийти в себя от удивления.

Филька старался, чтобы его творение выглядело как старинное и вызывало доверие. Ему никогда не удалось бы сделать это, не отыщи он у себя дома карту их района двадцатилетней давности. Хитров хорошенько помял ее и обтрепал, а потом крестиком отметил место, где зарыт сундук.

После этого он перьевой ручкой, изменив почерк, написал на обратной стороне: **«У речки Жабенки, на поляне, в восьми шагах на юг от старого дуба зарыт клад: золота – 25 кг, бриллиантов – 7 кг».**

Он перечитал написанное и, не обнаружив ни одной ошибки, довольно усмехнулся. Филька положил карту в железную коробочку из-под чая и незаметно подсунул ее на огород бабки Данилова, где сегодня вечером Антон должен был копать картошку. После этого Хитров притаился за забором в лопухах и стал ждать. Сидеть в лопухах пришлось долго, но вот наконец на огороде показался Антон с лопатой на плече.

Он, зевая, вонзил лопату в землю и стал копать, через каждые пять минут устраивая длинный перерыв.

«Вот сачок! И бывают же такие лоботрясы! Нет чтобы раз-раз – и готово!» – раздраженно подумал Филька после того, как Данилов в десятый раз, отложив лопату, стал смотреть на небо.

Когда до того места, где была спрятана карта, оставалось совсем немного, Антон снова приостановился отдохнуть, и Хитров за забором едва не завыл от нетерпения. Но Данилов,

видимо, решил поскорее закончить работу и опять взялся за лопату. Не прошло и минуты, как она обо что-то звякнула, и Филька, к радости своей, увидел, как Антон извлек из земли металлическую коробку и недоуменно смотрит на нее.

«Открывай же ее, балбес!» – нетерпеливо прошептал Хитров, раздвигая лбом лопухи. Словно последовав его совету, Антон открыл железную коробку и, достав карту, развернул ее. Некоторое время он вертел схему в руках, потом вздрогнул, воровато огляделся, спрятал карту под рубашку и бросился бежать в сторону леса, бросив на огороде мешок с картошкой.

– Ключуло! Вот так я! – обрадовался Филька, разминая затекшие ноги.

Он сунул руки в карманы и не торопясь пошел домой, представляя, как Антон, пыхтя и спотыкаясь, бежит по лесу. Вот он уже копает яму, видит сундук, вытаскивает его, протягивает руки, надеясь загрести сокровища, но – не тут-то было! И Хитров засмеялся, представляя, какая это будет замечательная шутка.

На полпути он встретил Риту, Аню Иванову и Колю.

– Ну что? Получилось? – нетерпеливо набросились они с расспросами.

– А то! Ключул как миленький! – ответил Филька. – Схватил лопату и помчался в лес!

– А почему ты за ним не пошел? – спросил Коля.

– Вот еще! Я и так все себе представляю! У меня вообра-

жение богатое!

– А если возникнет что-то непредвиденное? – поинтересовалась Ритка.

– Ничего не возникнет! Все под контролем! – уверенно сказал Филька. Он уселся на скамейку и, поджав по-турецки ноги, приготовился терпеливо ждать.

– А я пойду посмотрю, как он там! Мне интересно, какое у Антона будет лицо, когда он выкопает этот сундук! – сказал Егоров и побежал к лесу.

– Подожди меня, я с тобой! – крикнула Рита и заспешила за ним.

С Филькой осталась одна Анька. Она стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу.

– А ты не пойдешь? Меня бы проводил! – попросила она.

– Не хочу никуда ходить. У меня воображение богатое! Лучше я здесь буду сидеть и представлять! – отказался Филька.

– Тогда я одна схожу. Пока! – немного помедлив, сказала Аня, и Филька не стал ее задерживать. Он остался ждать на лавке, предвкушая триумф своей затеи.

Не прошло и часа, как он заметил пыль на дороге из леса. К нему сломя голову мчался Колька.

«Ишь ты, как чешет! – удивился Хитров. – Будто я без него не догадываюсь, как все произошло!»

Егоров подбежал к скамейке и, тяжело дыша, остановился.

– Ну что? – гордо спросил Филька. – Здорово он разочаровался, когда нашел пустой сундук? Небось открыл, а клад тю-тю!

– Он... он... есть! – вырвалось у Кольки.

– Что есть? Пустой сундук?

– Нет, клад!

– Какой клад? Фальшивый?

– Не фальшивый, а взаправдашний! Антон нашел настоящий клад!

– Как настоящий? Откуда в нашем сундуке взяться кладу? – не поверил Филька.

– Ты ничего не понимаешь! – отдышавшись, закричал Колька. – Этот осел перепутал и вместо восьми шагов на юг от старого дуба отсчитал восемь шагов на север. Стал рыть и нашел взаправдашний древний сундук! Открыл его, а в нем золотые монеты!

Филька схватился за голову:

– Что? Монеты? Быть этого не может!

– Еще как может! Иди сам посмотри! Антон там сейчас сидит на поляне и золотые монеты считает. Говорит, что сдаст государству и ему проценты дадут!

– Что? Не верю! – Хитров вскочил и бросился бежать к лесу.

– Ишь ты! – бормотал он на бегу. – Повезло дураку! Где север, где юг, не знает, а клад нашел! Вот счастье привалило

идиоту!

Запыхавшись, Филька промчался сквозь лес и выскочил на поляну. Там на сундуке сидел довольный Данилов, а рядом с ним стояли Рита Самойлова и Аня Иванова.

– Где клад? – крикнул Хитров.

– А, тебе уже сказали? – засмеялся Антон. – Большое тебе спасибо. Ведь если бы не ты, я ни за что не стал бы тут копать.

– Учти! Половина моя! – заявил Филька.

– Как бы не так! Клад-то я нашел, а не ты!

– Но я рисовал карту!

– Ты фальшивую карту рисовал, а сундук я нашел настоящий! А кто первый нашел, тому все и принадлежит. Сдам государству и получу свои двадцать пять процентов!

– Покажи хотя бы! Не будь свиньей! – не выдержал Филька.

Он столкнул Антона с сундука, распахнул крышку и замер, уставившись на то, что было внутри. Потом медленно повернулся и, не оборачиваясь, пошел по тропинке, чувствуя себя оскорбленным до глубины души.

Позади раздался хохот. Хохотали и Аня, и Рита, и Антон, и присоединившийся к ним Егоров. А Филька шел по тропинке с гордо поднятой головой и думал, что он безнадежный осел.

– Не рой другому яму! – крикнул Колька и заглянул в сундук, крышку которого Хитров так и не закрыл.

Сундук был пуст, только на самом дне лежала хорошо знакомая записка, на которой неровным почерком самого Фильки было написано: «ДЕРЖИ КАРМАН ШИРЕ! ОДНО-КЛАССНИКИ!»

Рассказ пятый

Каскадер

В воскресенье утром Антон Данилов и Филипп Хитров сидели во дворе на лавочке и играли в шашки, как вдруг из подъезда выскочил Колька Егоров.

– Я только что смотрел фильм про каскадеров! – крикнул он. – Они самые отважные люди в мире! Прыгают с парашютом, сталкиваются на машинах, дерутся на крыше мчащегося поезда!

– Ну, это же каскадеры... Ты-то здесь при чем? – зевнул Антон.

– Я тоже хочу им стать! Я даже придумал свой первый трюк, но мне нужна ваша помощь!

– Какой трюк? – заинтересовался Филька.

Колька осмотрелся, не слышит ли его кто-то из взрослых, и прошептал:

– Прыжок в бочке с водопада! До меня в мире этот трюк выполнили всего три человека, причем один погиб!

– Как это «прыжок в бочке с водопада»? – не понял Антон Данилов.

– А так: каскадер забирается в большую бочку, а ассистенты скатывают его с Ниагарского водопада, самого большого в мире! – объяснил Егоров.

– И ты мне объясняешь про Ниагарский водопад? Мне, который тысячу раз там бывал! – присочинил Филька.

Антон криво ухмыльнулся. Ему не нравились затеи с бочками.

«Если Колька погибнет, – размышлял он, – мне придется отвечать, потому что я на два месяца старше их с Филькой. Вот если бы Хитров был старше, тогда он бы отвечал».

– Бочку я уже нашел у нас в погребе! – продолжал Колька. – Она большая, прочная и не протекает, хоть и воняет капустой.

– А водопад? У нас же рядом нет водопада! – вдруг весело сказал Антон, который сообразил, что раз водопада нет, значит, все отменяется. А раз все отменяется, ему не за что будет отвечать.

– Не волнуйся, я уже все продумал! Водопада у нас нет, но есть песчаный обрыв. Вы скатите меня в реку с обрыва.

Филька присвистнул, вспомнив многометровый и очень крутой обрыв, который когда-то был отвалом карьера. Зимой не все решались скатиться по нему даже на санках.

– Кости переломаешь! – предостерег он.

– Каскадеры не боятся переломов! – вызывающе сказал Колька. – К тому же мы оборудуем бочку по всем правилам. Так вы со мной или струсили?

– Я с тобой, – подумав, сказал Хитров.

– Я тоже. Но предупреждаю: ничем хорошим это не закончится, – вздохнул Данилов.

Они вытащили из подвала большую бочку, в которой раньше квасили капусту, и, кое-как очистив, стали ее оборудовать. Внутри бочку выстелили толстым слоем пенопласта, а на него прикрепили несколько длинных полосок поролонa. Причем и пенопласт, и поролон они не прибавали, а клеили, чтобы при падении с обрыва Колька не напоролся на гвоздь.

– Хорошо получилось, мягко... – сказал Егоров, ощупав бочку изнутри. – Запомните: первое правило каскадера – хорошая подготовка к трюку.

– Скажи лучше, к смертельному номеру, – пробурчал Антон.

«Смертельный номер» назначили на завтра в одиннадцать часов утра. Новость об этом расползлась по школе, и на следующий день у обрыва толпилась уже добрая треть ребят из их класса. Сам Коля пока почему-то задерживался.

– Откуда они все узнали про трюк? – удивился Филька Хитров.

– Я сообщил кое-кому под большим секретом! – сказал Антон, стоявший рядом с довольным видом. – Зато теперь я не самый старший и, если что случится, отвечать не мне! Смотри, сюда даже из девятого класса два парня притащились!

– Ну ты даешь! – поразился Хитров, которому не понравилась такая предусмотрительность приятеля.

– Не умеют у нас хранить тайны! Сказал-то я двоим, а пришли человек тридцать! – продолжал рассуждать Данилов.

В этот момент ребята зашумели, и все повернулись в одну сторону. Возле обрыва показался Колька Егоров, серьезный и сосредоточенный. Несмотря на летнее время, он был в немыслимом ватном тулупе с торчавшими из него клоками ваты и в мотоциклетном шлеме старшего брата.

В другое время все бы посмеялись над его нелепым видом, но сейчас присутствующие молчали, понимая серьезность момента. Мало кто осмелился бы скатиться по такому крутому склону.

Колька подозвал к себе Фильку, и они вдвоем затащили бочку на вершину обрыва. Там Егоров перевернул бочку на бок и забрался внутрь, так что находившимся внизу виден был только его оранжевый шлем.

– Не передумаешь? – спросил Филька.

– Нет, – упрямо мотнул головой Колька. – Приготовься толкнуть!

– Я что, я всегда готов!

Сообразив, что сейчас произойдет, Ритка Самойлова громко взвизгнула и зажала себе ладонью рот.

– Давай, скатывай! – глухо донеслось из бочки, и Филька, убедившись, что внимание всех стоявших внизу обращено к ним, осторожно толкнул бочку с обрыва.

Вначале она катилась медленно, но потом стремительно разогналась, помчалась вниз, несколько раз подпрыгнула и с громким всплеском упала в реку. Два девятиклассника

прыгнули следом за ней в воду, подкатили бочку к берегу и извлекли из нее Егорова. Колька очумело тряс головой и, когда его попытались поставить на ноги, ухватился за чье-то плечо.

– Ну как ты? – спросил Антон.

– Вроде ничего, только голова кружится! – Егоров снял с головы мотоциклетный шлем. С его тулупа стекала вода.

– А что ты чувствовал, когда катился? – восхищенно спросила Рита.

– Ничего, только мельтешение и тряску. А когда бочка свалилась в воду, то ощутил удар.

– Ура! – закричал кто-то. – Получилось! Качай его!

Кольку подхватили на руки и стали подбрасывать.

– Уроните! – кричал герой, вырываясь.

Пока все чествовали Егорова, Антон не без зависти смотрел на бочку.

– Подумаешь! – крикнул вдруг он. – Я тоже так смогу! А ну, Егоров, дай сюда свой тулуп и шлем!

**– Давай, скатывай! – глухо
донеслось из бочки, и Филька,**

**убедившись, что внимание всех
стоявших внизу обращено к ним,**

осторожно толкнул бочку с обрыва

Данилов надел мокрый тулуп, напялил на голову шлем и велел, чтобы ему помогли втащить на обрыв бочку. Но, оказавшись наверху и посмотрев на почти отвесную крутизну склона, попятился.

– Ну что? – спросил Филька. – Раздумал?

– В другой раз. Бочка для меня тесновата, – дрожащим голосом сказал Антон.

Он быстро снял влажный тулуп, сбросил шлем и осторожно стал спускаться с обрыва. Но уже почти у самой воды Данилов споткнулся и, кувыркаясь, полетел в реку. Раздался всплеск, и Антон исчез под водой. Через некоторое время он, отплеывая песок и чихая, показался на поверхности. Потом в насквозь мокрых ботинках, брюках и рубашке под всеоб-

щий хохот выбрался на берег.

– Я это специально сделал! Ради шутки! – крикнул он срывающимся голосом.

– Не унывай, Тошка! Не всем же быть каскадерами! – насмешливо сказала Аня Иванова. – Кому-то нужно быть и клоуном!

Рассказ шестой

Тайна из глубины веков

Перед концом урока математичка Раиса Павловна, женщина суровая, худая, похожая на градусник, пригрозила, что на следующий день устроит 7-й «А» серьезный опрос по пройденным темам, а так как завтрашний урок последний в третьей четверти, то полученная оценка для многих станет решающей.

– И советую не прогуливать! – предупредила учительница. – Тот, кто не явится, автоматически получает двойку и будет все каникулы приходить в школу заниматься математикой. Помните: автоматически!

Слово «автоматически» она сказала словно чихнула: «афтоматицки!», и все взрогнули. Фильке Хитрову показалось, что внутри у Раисы сидит собачка, которая сейчас тьякнула.

– А если я сломаю ногу? – спросил двоечник Петька Мокренко, первый силач в классе.

– Сломаешь ногу – придешь на костылях! Отговорки не принимаются! Конец урока! – Раиса Павловна захлопнула журнал и вышла из класса.

Хотя ее урок был последним и звонок давно прозвенел, никто не расходился. Весь 7-й «А» сидел за партами, как приклеенный, и пытался осмыслить только что услышанное.

– Ничего себе – опрос по всем темам! У меня, может, все темы в кучу сбились! – возмутилась Рита Самойлова.

– Вот-вот! Объясняет плохо, а требует много! Я уже ничего не помню, – присоединилась к подруге Аня Иванова.

– А не достать ли мне справку, что я тяжело болен, и вообще прикинуться почетным донором? – вслух размышлял Антон Данилов.

– У Раисы справка не поможет! Слышал, как она костылями меня срезала? – напомнил Петька Мокренко.

– Официальная справочка везде поможет! Она по закону не имеет права ставить двойку, если есть справка с печатью! – хихикнул Антон.

– Надо сорвать урок! – предложила Рита. – У меня по математике баланс между пятеркой и четверкой, и я не хочу, чтобы была четверка.

– Везет же некоторым! Мне бы хоть трояк! – завистливо сказал Петька.

– Так как, будем срывать урок? – нетерпеливо спросила Самойлова.

– Как ты его сорвешь? Раиса – не биологичка какая-нибудь! С ней такие шутки не проходят! – насмешливо сказал Коля Егоров.

Ему, единственному из класса, хотелось, чтобы опрос состоялся. В своих знаниях по математике он не сомневался, а самые сложные задачи решал шутя. Учительнице приходилось порой его одергивать, чтобы он не забегал вперед по

программе и не использовал более сложные правила, чем те, которые сейчас проходили.

– Ты бы, Егоров, помолчал! С тобой дома занимаются! – с досадой произнесла Аня Иванова.

– А если позвонить и сказать, что в школе бомба? – предложил Антон, гибкий ум которого просчитывал все варианты.

– В прошлом году звонил один дурак из девятого класса, – фыркнула Ритка. – Мало того, что его вычислили и исключили, так еще всю школу заставили в воскресенье учиться. А его родители за ложный вызов до сих пор расплачиваются. Забыли, что ли?

– С Раисой и бомба не пройдет. Если даже у школы загорится крыша, все равно она проведет опрос, – безнадежно сказал Петька Мокренко. В отчаянии он вырвал из горшка какой-то цветок и запустил его в форточку. Мокренко вообще любил все резать и ломать.

Раиса Павловна была известна всей школе своим крутым характером. У нее самые отъявленные хулиганы, которые на других уроках чуть ли не на люстрах качались, становились тихими, как овечки. Десятки раз самые изобретательные умы старшеклассников бились над способом, чтобы сорвать ей урок, но все было тщетно, и в журнале появлялась колонка двоек и троек.

Минут двадцать 7-й «А» гудел как улей. Предлагались самые невероятные решения, одно из которых было в том, что-

бы в день опроса весь класс пошел кататься на плоту, а потом ребята потеряли бы шест и дали бы снести себя вниз по течению.

Один Филька, обычно разговорчивый, помалкивал и хитро на всех поглядывал. Первое время, когда все галдели и никто никого не слушал, на это не обратили внимания, но потом вдруг заметили и уставились на него.

– А ты-то чего в рот воды набрал? – не выдержала Аня Иванова. – Тебе, между прочим, больше всех беспокоиться надо! У тебя четверка на соплях висит!

Хитров выдержал паузу – он всегда так делал перед наиболее важными своими высказываниями – и, наигранно зевнув, равнодушно произнес:

– А чего волноваться-то? Никакого опроса завтра не будет.

После его заявления в классе на несколько секунд воцарилась такая тишина, что слышно стало, как бурчит в животе у Мокренко.

– Как не будет? Почему? Ты что, Хитров, сдурел? За свои слова отвечаешь? – со всех сторон посыпались обидные реплики.

Филька спокойно встал и направился к дверям.

– Ты куда? – завопил Антон, преграждая ему дорогу.

– Если вы мне не верите, тогда я пошел. Меня дома компьютерные игры ждут.

– Нет, ты постой! Раз уж начал – заканчивай! Почему ты

сказал, что завтра опроса не будет? – взревел Мокренко.

– Потому что я отвлеку Раису. Заговорю ей зубы! – уверенно сказал Филька.

– Это невозможно! Твой план –дохлый номер!

– Для тебя, может, идохлый, а для меня нет. Ну, пока! – и, отстранив Антона, Хитров гордо вышел из класса, оставив последнее слово за собой.

Аня и Рита, сгорая от любопытства, выскочили за ним.

– Как ты думаешь, он действительно это сделает? По-моему, он привирает! – спросил Антон Данилов у Егорова.

– Помнишь снеговика? Тогда мы тоже были уверены, что Филька не сумеет спрятаться, – напомнил Колька.

– Да, от Хитрова всего можно ожидать. Но на этот раз, я уверен, он сядет в лужу, – категорично заявил Данилов.

И вот наступило следующее утро.

Перед уроком математики Филька зашел в класс и, как обычно, прошествовал к своей парте, предпоследней в крайнем правом ряду.

– Ну что, Хитров? Будешь Раису отвлекать? – крикнула ему Ритка.

– Нет проблем! – лаконично ответил Филька.

– А помогать тебе не надо? Может, как-то подыгрывать? – спросила Аня.

– Лучше помалкивайте! Я, как солист, не люблю, когда мою партию прерывают фальшивые голоса, – произнес Хитров.

Мокренко так удивился, что даже перестал царапать складным ножом краску на батарее.

– Какой солист? – поинтересовался он.

– Солист – это тот, кто поет один, и никто его не перебивает, – с некоторым сомнением объяснил Филька.

В это мгновение в классе появилась Раиса Павловна. Сказав на ходу: «Здравствуйте, садитесь!» – она стремительно подошла к своему столу и открыла журнал.

– Как я вчера и обещала, начинаем опрос! – с обычным металлом в голосе сказала учительница. – Все закройте учебники и положите их на край стола. У кого увижу открытый – сразу двойка. Все ясно?

Ребята ожидали, что Филька с места в карьер начнет заговаривать ей зубы, но он молчал. Должно быть, подумали тогда они, решительный тон учительницы отбил у Хитрова всякое желание привлечь к себе внимание. Только он откроет рот, она – раз! – и спросит его первым, а знаний у него – дырка от бублика.

Но как не раз говорил Филька: «Хитровы не сдаются!» Он подождал, пока Раиса скользнет взглядом по журналу, выискивая первую жертву, и вдруг оглушительно чихнул. Даже странно, как он сумел подгадать этот чих – пером, что ли, в носу пощекотал?

– Будь здоров, Филипп Хитров! – в рифму сказала математичка, поднимая от журнала голову и прикидывая, не подойдет ли он в качестве первой жертвы.

– Большое спасибо, Раиса Павловна! – поблагодарил Филька и спросил: – Можно задать вам вопрос?

Учительница проницательно взглянула на него, словно желая сказать: «Знаю я все ваши хитрости! Ничего не выйдет!»

– Нельзя. После урока! – отказала она.

– А если очень быстро? Одну секунду!

– Ну, если одну секунду – то можно.

И вот тогда-то в глазах у Фильки зажглась авантюрная искорка.

– Как вы думаете, сколько у вас прямых родственников, Раиса Павловна? – спросил он.

На мгновение учительница опешила и подозрительно посмотрела на него:

– А тебе зачем? С каких это пор ты заинтересовался моими родственниками, Хитров?

– Этот вопрос увлекает меня чисто теоретически. Ваши родственники интересуют меня не как люди, а той своей стороной, которой они обращены к математике.

– Как это мои родственники обращены к математике? Ты спрашиваешь, не было ли среди моих родственников известных ученых? – снова не поняла Раиса Павловна.

– Нет, не об этом. Я спрашиваю: как вы думаете, сколько было у вас прямых родственников в 1000 году нашей эры? – нетерпеливо пояснил Филька.

– В 1000 году? Понятия не имею! Но почему это тебя ин-

тересует?

– Исключительно с точки зрения математики. Возьмем человека, например, вас.

– Почему именно меня?

– Ну если не хотите, чтобы вас, возьмем кого-нибудь другого, скажем, меня, Колю Егорова или Риту... Тут важен не конкретный человек, а пример...

– Ладно, пускай это буду я... И что дальше? – учительница покосилась на часы: время для опроса еще было.

– Очень хорошо, Раиса Павловна! Давайте так: я буду задавать вам вопросы, не личные, а просто математические, и вы отвечайте, не удивляясь. Хорошо?

– Ну хорошо, – кивнула та, слегка заинтересованная.

– А ответы записывайте мелом на доске. Договорились?

– Что-то ты больно много хочешь, Хитров! Ладно, но только если это будет относиться к математике, – согласилась Раиса Павловна, которой было интересно, куда он клонит.

Весь класс, затаив дыхание, следил за поединком.

Филька подождал, пока она взяла мел, и потом продолжил:

– Первый вопрос – элементарный. Сколько у вас родителей? Меня интересует только количество.

Учительница удивленно приподняла брови, явно ожидая подвоха, а потом осторожно ответила:

– Столько же, сколько и у всех. Двое.

– Запишите на доске, – попросил Филька.

Раиса Павловна пожала плечами и вывела на доске жирное «2».

– Учти, скоро у тебя будет такая же в журнале, – вполголоса пообещала она.

– А сколько у вас бабушек и дедушек? – продолжал Филька, делая вид, что ничего не слышал.

– Четыре! – И учительница под двойкой написала «4».

– А прабабушек и прадедушек?

– Восемь!

– А прапрабабушек и прапрадедушек?

– Шестнадцать... Ты мне что, устроил экзамен на таблицу умножения? – усмехнулась Раиса Павловна, но все-таки записала на доске цифру.

– А прапрапра... – продолжал Филька.

– 32! Это же элементарно! Каждый раз умножаешь на два.

Ведь у каждого человека – двое родителей.

– А прапрапрапра?

«64» – секунду подумав, написала на доске учительница.

– А их родителей?

– 128! А их родителей 256, а родителей тех родителей 512... Но так мы долго будем считать. Ты ведь хочешь узнать, сколько родственников у меня было в 1000 году нашей эры?

– Да, – подтвердил Филька.

– Тогда это можно подсчитать проще. Обычно люди же-

няться в двадцать пять лет, и тогда же у них появляются дети. Значит, в столетии четыре поколения? Так? – спросила математичка.

– Не так. Я у мамы раньше появился! – крикнул Колька Егоров.

– А я позже! – возразила Анька.

– Это не имеет значения, кто годом раньше, кто годом позже... Мы имеем дело со средними величинами. Ведь ты это имел в виду, Хитров? – спросила Раиса Павловна.

– Именно это... – подтвердил Филька.

– Хорошо, тогда посчитаем, допустим, на двести лет. Двести лет – это восемь поколений или два в восьмой степени... – Учительница придвинула к себе калькулятор. – Значит, в 1800 году у меня было 256 прапрапрабабушек и дедушек. Считаем еще на двести лет назад, до 1600 года...

Она снова взглянула на калькулятор, быстро что-то подсчитала, и брови у нее удивленно поднялись. Прежде чем написать ответ на доске, она дважды перепроверила.

– Так сколько? – спросил Филька.

– 65 536! Или два в шестнадцатой степени прямых родственников было у меня в 1600 году! – поразилась учительница.

– А в 1400 году?

– Два в двадцать четвертой, или... – Раиса Павловна снова взглянула на калькулятор: – 16 миллионов 777 тысяч 216!

Класс был поражен, он никак не ожидал у Раисы Павлов-

ны такой многочисленной родни.

– Не так уж и много! Мы еще не добрались до тысячного года, – хладнокровно сказал Хитров. – А в 1200?

– Калькулятор зашкаливает. Придется считать на бумаге, – сказала учительница. Она схватила листок и стала увлеченно считать в столбик.

Не только математичка, Коля Егоров и Аня Иванова тоже увлеклись, подсчитывая своих родственников. Рита незаметно посмотрела на часы и обнаружила, что до конца урока осталось всего двадцать пять минут. Значит, всех уже не спросят.

– Кажется, получилось! – шепнула она Ане, но та была так увлечена подсчетами, что не услышала.

«2 родителя,

4 бабушки и деда,

8 прабабок и прадедов,

32 прапрадеда,

64 прапрапра

128 прапрапрапра», – писала она.

Раиса Павловна наконец закончила подсчеты и обнаружила у себя в 1000 году нашей эры несколько миллиардов непосредственных бабушек и дедушек – примерно столько, сколько живет сейчас на Земле. Такое обилие родни так ее поразило, что она углубилась в историю еще дальше – до 1 года нашей эры, то есть на две тысячи лет назад, и у нее получилось число, которое едва уместилось на доске:

«1 210 000 000 000 000 000 000 000»

– 1,21 триллиона триллионов! И это я еще округляла в меньшую сторону! – поразилась математичка. – Но это ведь вообще нереальное число! Столько людей никогда не могло жить в одно время! Если сложить всех людей, которые жили за всю историю человечества, – не будет и одной десятой от этого числа! Здесь какой-то парадокс, но я не понимаю какой! Ведь я все считала правильно! $2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \dots$ и так восемьдесят раз или два в восьмидесятой степени – все верно!!!

– И ведь это только ваши прапрапрабабушки! – сказала Аня. – А ведь еще родственники других людей! Что же тогда получается, их всех надо складывать? Ваш триллион триллионов, мой триллион триллионов, Филькин триллион триллионов.

– Но как такое может быть? Сейчас население Земли только семь или восемь миллиардов, а раньше было намного меньше. У нас же получается, чем дальше в глубь веков, тем людей становится больше, – поделился своим открытием Коля Егоров.

И все недоуменно уставились на Хитрова, ожидая, что он подскажет решение этой загадки, которую сам всем и предложил.

А тот, уже не таясь, посмотрел на часы и, обнаружив, что до звонка всего две минуты и опроса уже не будет, сказал:

– Честно говоря, я и сам толком не понял, как это возмож-

но, но одну вещь я уяснил...

– Какую? – ошеломленно спросила Раиса Павловна, с трудом отрывая взгляд от немислимого числа на доске.

– То, что у каждого человека не могло быть по триллиону триллионов прямой родни. А раз не могло, то родня у нас общая, а это значит, что все люди родственники... И мы с вами, Раиса Павловна, родственники, и с Анькой, и с Риткой, и вообще со всеми, кто живет на Земле. А родственникам тройки в четверти не ставят и вообще обращаются с ними лучше, чем с чужими. А тут, выходит, чужих вообще нет, и все на Земле – твоя родня!

– С точки зрения математики все неопровержимо. Мы все действительно в родстве, причем неоднократно, – подтвердила учительница, глядя на доску.

Прозвенел звонок.

– Конец урока! До встречи в новой четверти! – машинально сказала Раиса Павловна.

Филька взял свой рюкзак и вышел из класса.

– Пока, родственнички! – крикнул он уже на пороге.

Рассказ седьмой

Raukus grusulicus

После уроков в пустом классе Катя Сундукова жаловалась Коле Егорову:

– У всех дома есть какое-нибудь животное: у Ритки – персидская кошка, у Фильки – кошка, у Аньки – овчарка, у Мокренко – хомяк...

– А у тебя какое? – спросил Коля.

– У меня никакого...

– Почему?

– Родители говорят, что у них аллергия, а по-моему, просто не хотят... И поэтому, когда все хвастают своими животными, мне приходится отмалчиваться... – Катя вздохнула и подошла к окну.

Егоров, которому Сундукова нравилась, хотел утешающе дотронуться ей до плеча, но взглянул на свою руку и спрятал ее за спину. Потом он остановился рядом с Катей и также стал смотреть на улицу.

– У меня тоже нет домашних животных, если не считать тараканов, – сказал он.

Девочка удивленно повернулась к нему.

– У *тебя* нет?!

– Никого, – кивнул Коля. – У бабушки в деревне, правда, есть пес в будке, но он же не мой... Когда я приезжаю, он сначала на меня лает и только потом узнает.

Катя стояла совсем близко, и он рассмотрел у нее на правой щеке маленькую родинку.

– Значит, мы с тобой в равном положении? – шепотом спросила девочка, чуть-чуть придвигаясь к нему.

– Выходит, что так! – тоже прошептал Егоров, чувствуя, что в груди у него замирает сердце.

В этот момент, как всегда некстати, в класс заглянул Максим Александрович и споткнулся о стоявшее на пороге ведро с торчавшей из него шваброй.

– Понаставили тут! Сундукова, Егоров! Вы будете убирать? Я сейчас вернусь! – крикнул он и исчез, так и не решившись перешагнуть через ведро, опасаясь за свои новые итальянские ботинки.

Коля подошел к ведру, вытащил из него раскисшую тряпку и бросил ее на пол, нагромоздив рядом несколько стульев и парт, между которыми, как дуло гранатомета, торчала рукоятка швабры.

– Это будет наше противотанковое заграждение, – решил он, осматривая свою работу.

– Скажи лучше: противомаксимное. Теперь наш франтик не сунется в своих наглаженных брючках, – весело сказала Катя и в качестве последнего штриха повесила на ручку двери мокрую тряпку.

Они уселись на заднюю парту, которая не была видна, если заглянуть из коридора, и стали болтать. Общение их выглядело следующим образом: Сундукова щебетала без умолку, а Егоров молчал и только изредка произносил «угу», гордясь, что так запросто беседует с девочкой.

– У тебя день рождения скоро? – спросил он, когда Катя сделала паузу.

– В октябре, через две недели, – удивленно ответила она. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому, что я подарю тебе такое домашнее животное, что все наши лопнут от зависти! – в порыве великодушия пообещал Коля.

Девочка недоверчиво покосилась на него.

– Подари, но, если это будет кошка или собака, родители заставят вернуть ее назад, – предупредила она.

– Не волнуйся, это не кошка, не собака, не хомяк и не рыбки!

– А что тогда? – Катя была заинтригована.

– Пока не скажу. Пусть будет сюрприз! – Коля сделал важное лицо.

– А ты уверен, что все лопнут от зависти? Даже Самойлова? – спросила Катя, глядя на него с недоверием и надеждой.

– Ритка лопнет в первую очередь. Мой подарок затмит ее персидскую кошку! – Егоров встал и, скрестив на груди руки, многозначительно посмотрел на девочку.

Надо сказать, Коля и сам пока толком не знал, какое жи-

вотное подарит, но был уверен, что придумает. В конце концов две недели до дня рождения – немалый срок.

Из коридора появилась голова Максима Александровича. Сундукова вскочила и сделала вид, что поливает цветы, а Коля в спешке начал двигать шкаф.

– Что за сырость вы развели? лягушачий питомник открываете? – недовольно спросил учитель, глядя себе под ноги.

– Разведем лягушек – французам будем продавать! – сказал Егоров, и Катя засмеялась.

Максим Александрович попытался протиснуться между стульями, но в грудь ему уперлась палка швабры, а под ботинками зачавкала вода. Учитель с ужасом уставился на свою новую обувь.

– Зачем вы загородили дверь? – рассердился он.

– Чтобы хорошо вымыть полы – нужен простор! – ответил Коля и с невероятным шумом стал сдвигать парты.

Оглушенный учитель попятился, схватился за дверную ручку, обмотанную мокрой тряпкой, и стал брезгливо вытирать платком ладонь и рукав пиджака.

– Вам помочь? – предложила Катя. – Хотите, мы разберем завал?

– Не надо, я уже уйду! Дайте только со стола мой дипломат! – потребовал учитель, отступая в коридор и стараясь больше ни к чему не прикасаться.

Коля передал ему черный дипломат с кодовыми замками,

просунув его сквозь баррикаду.

– И не вздумайте уходить, пока все не уберете! – крикнул Максим Александрович и быстро направился к лестнице, оставляя на паркете мокрые следы. На правом плече модного пиджака молодого учителя белело пятно от мела.

– Спорю, он идет на свидание! Опять кого-нибудь охмуряет, – сказала Катя, и ребята взялись за уборку.

Оставшиеся до дня рождения недели Коля постоянно думал о своем обещании. Задача перед ним стояла непростая: найти и подарить Кате такое животное, которое устроило бы ее и родителей и вызвало бы зависть у одноклассников. Причем нужно еще учесть, что карманных денег у Коли было очень мало.

Егоров просмотрел все книжки о зверях, несколько раз заходил в зоомагазин, но так и не обнаружил ничего подходящего. Он едва не купил Кате белую мышь, но подумал, что мышей, вне зависимости от того, белые они или серые, девочки боятся.

Почти каждый день в школе Катя хитро поглядывала на Егорова, как бы напоминая о его обещании. Коля в таких случаях напускал на себя важный вид: мол, все под контролем, а на сердце у него кошки скреблись.

Накануне дня рождения, на который Сундукова пригласила почти весь класс, он, лежа на кровати, лихорадочно соображал, что ему делать. У него не было ровным счетом ни-

каких мыслей, и он уже решил никуда не ходить и остаться дома, как вдруг с висевшей над кроватью полки свалилась книга и огрела Кольку по лбу.

– Мало того, что все плохо, так еще и книги на голову валятся! – пробормотал мальчик. Он потер лоб, взглянул на обложку и прочитал: «НАСЕКОМЫЕ МИРА». Егоров уныло стал перелистывать книгу, пробежал глазами несколько строчек, и внезапно его осенило. Он вскочил и помчался в чулан.

Сбросив с полок все содержимое на пол, он наконец нашел, что искал, – небольшую красивую банку из-под кофе, плоскую, из темного стекла. Кофе когда-то привезла из Турции мамина сестра, и вид у банки был необычный.

Отмыв ее как следует и высушив, Коля положил внутрь сухой травы и несколько палочек, а потом закрыл банку пластмассовой крышкой, в которой проделал несколько отверстий раскаленной иглой. Затем он взял кусок лейкопластыря, приклеил на дно банки как этикетку и написал на нем два загадочных слова: «**Paukusgrusulicus**».

Все сделав, мальчик поставил банку на стол и, довольный, потер руки.

Когда на другой день Егоров пришел на день рождения к Кате, там уже были и Филька Хитров, аккуратно причесанный впервые в жизни, и Антон Данилов в костюме с черным галстуком бабочкой, и благоухающая мамиными духами Рита Самойлова, и даже Мокренко с поцарапанным носом, вы-

мазанным зеленкой.

– Видели его нос! Это он вчера дразнил мою кошку! – гордо объясняла всем Ритка.

Стоило появиться Коле, как все замолчали. Очевидно, Сундукова не выдержала и разболтала, что он собирается сделать ей необычный подарок.

Катя шагнула навстречу гостю и остановилась, выжидательно поглядывая на него. Она была в светлом платье, на шее поблескивала золотая цепочка с сердечком, которую ей подарила бабушка и до которой девочка то и дело дотрагивалась, проверяя, не расстегнулась ли она.

– Опаздываешь! Мы без тебя за стол не сядились... – сказала новорожденная.

– Я никак не успевал раньше... Дела... – многозначительно объяснил Коля, хотя специально полчаса топтался вокруг дома и мусорника, чтобы не прийти вовремя.

– А где... – начала было Катя, но осеклась, сообразив, что спрашивать в лоб: «Где подарок?» – невежливо.

Егоров вытащил из-за спины банку и аккуратно поставил на стол.

– Поздравляю с днем рождения! – торжественно сказал он и отошел на шаг, разрешая всем полюбоваться его подношением.

Виновница торжества хотела взять свой подарок, но любопытный Петька Мокренко ее опередил. Он схватил банку и протянул руку к крышке.

– Осторожнее! Тебе жить надоело? – закричал Коля.

– А что такое? Уж и посмотреть нельзя? – удивился Петька.

Егоров пожал плечами:

– Посмотреть можно. Только учти: я за твою жизнь не отвечаю!

– Почему не отвечаешь?

– Ты читать умеешь? Вот и прочти, что на наклейке написано! – предложил Колька.

Мокренко перевернул банку и, морща лоб, уставился на надпись «**Paukus grusulicus**».

– По-английски, что ли? – спросил он.

– Не по-английски, а по-латыни! – уточнил Егоров.

– Давайте я! – предложила Катя. Она заглянула через Петькино плечо и прочла по слогам:

– Паукус гру-зу-ли-кус... Паукус какой-то! Что это значит?

– Паукус грузуликус – самый ядовитый паук на свете. Водится на острове Ява. От его укуса человек умирает за минуту, лошадь – за две, а слон – за три минуты, – охотно объяснил Коля Егоров.

Узнав, что в банке такое опасное насекомое, ребята попятись.

– И этот паук там внутри? – поразилась Катя, пытаясь заглянуть в банку сквозь темное стекло.

– Разумеется, внутри. Если кто-то не верит, может загля-

нуть. Кажется, Мокренко хотел? Давай, Петруха, смотри! – насмешливо предложил Коля.

– Сам смотри! Мне еще пожить охота, – Петька спрятал руки за спину.

– Смотрите, он аж весь позеленел! Небось представил, что было бы, открой он банку! – засмеялся Антон Данилов.

Все ребята столпились вокруг стола, забыв о пирожных, торте и салатах. Как Колька и предсказывал, ребята завидовали Кате Сундуковой, а ее паукус грузуликус затмил всех породистых котов и собак. А она, довольная, стояла рядом и пожинала плоды триумфа.

– Где ты его взял? – спросила Катя.

– Мой дядя – специалист по насекомым, он привез его с острова Ява. Это очень редкий вид, занесен в Красную книгу. У нас в России – единственный экземпляр, – авторитетно сообщил Егоров.

– И в зоопарке нет? – не поверила Рита Самойлова.

– В зоопарке, может, и есть, и в Академии наук тоже, но это единственный экземпляр в частном владении, – спохватился Коля, сообразив, что перегнул палку.

Вначале он опасался, что никто не поверит в его паукуса грузуликуса, придуманного им только накануне после прочтения книги о насекомых, но наживку уже заглотили, и притом очень прочно. А главное, что самое приятное, никто не решался открыть банку, чтобы увидеть ядовитого паука.

Филька Хитров с пеной у рта утверждал, что и раньше

слышал про таких насекомых, и рассказывал душераздирающие истории. Будто бы была экспедиция на остров Ява, все участники которой умерли в одну ночь по неизвестной причине, а утром на травинке у костра нашли точно такого паука. Кто-то верил Фильке, кто-то нет, но желания открыть банку ни у кого не появилось.

– А как он дышит? – спросила Самойлова.

– Разве не видишь? В крышке – дырочки! – объяснила Катя.

– А он через них не вылезет?

– Нет, они слишком маленькие.

– А укусить через них он может? – не успокаивалась Рита.

– Только если близко поднести палец, – сказал Мокренко.

– А ты помолчи, профессор кислых щей нашелся! Откуда тебе знать – не твой паук! – огрызнулась на него Аня Иванова.

Антон Данилов пытался рассмотреть грузуликуса сквозь стекло, но различал лишь соломинки и травинки.

– Ничего не видно! – пожаловался он.

– Эх ты, простофиля! – сказал Петька. – Он же маскируется, чтобы напасть неожиданно. Ведь, правда, Коль?

– Разумеется, маскируется... У него защитная окраска, он сливается с травой и ветками, – авторитетно подтвердил Егоров.

– А чем мне его кормить? – спросила Катя.

– Сырым мясом, – подсказал Филька.

– Правда, сырым мясом, а, Коль? Что тебе дядя рассказывал?

Егоров почесал подбородок, делая вид, что вспоминает. Ему нравилось выглядеть авторитетным специалистом в области редких пауков.

– Можно и мясом, но лучше мелкими насекомыми. И не чаще, чем раз в три месяца. Пауки едят мало, к тому же сейчас он сыт. Я кормил его позавчера.

– А как ты его кормишь? Ведь приходится открывать банку!

– Я надеваю три пары перчаток, а еду протягиваю пинцетом.

– А он пробовал тебя укусить?

– Пробовал. Однажды даже в палец вцепился зубами. Две перчатки прокусил, а третью не смог, – азартно сочинял Колька.

– Постой, постой! – насторожился вдруг Данилов. – Чем, ты говоришь, он в тебя вцепился?

– Зубами.

– Разве у пауков есть зубы? – удивился Антон.

Егоров почувствовал, что заврался, но отступить было поздно.

– У других видов нет, а у этого есть!

Данилов хотел возразить, но за Кольку неожиданно вступился Мокренко.

– Конечно, есть зубы! Что ты к нему прицепился? Чем

он, по-твоему, прокусил перчатку, если не зубами! Сейчас я тебе твои выбью, чтобы поверил! – завопил он, горячась и брызжа на Данилова слюной.

Зная привычку Мокренко любой спор заканчивать дракой, Антон предусмотрительно отступил.

– Зубами так зубами, только не лезь на стену, – миролюбиво пробормотал он.

Спohватившись, что обед остывает, Катя пригласила одноклассников к столу.

– Только убери, пожалуйста, паукуса, а то я его пока боюсь! – шепотом попросила она Колю.

– Не бойся! Через стекло не укусит. – Он взял банку и переставил ее на подоконник.

Перед чаем внесли большой торт с двенадцатью свечками, которые Катя стала задуть, не переводя дыхания. Когда осталась последняя горящая свеча, в комнату вошел ее старший брат Федор, в прошлом году окончивший школу.

– Ну и душно у вас! Прямо как в бане! – сказал он, открывая окно. Заметив на подоконнике банку, он взял ее в руки.

– А тут что? – спросил он.

– Ядовитый паук. Паукос грузуликос, мне его Коля подарил, – с гордостью объяснила Катя.

– А почему его не видно? – поинтересовался Федор.

– Он спрятался! Не вздумай открывать – он тебя укусит, и ты умрешь! – предупредила Рита Самойлова. Она вертелась рядом с Катиным братом и кокетничала с ним. Ритка вообще

любила кокетничать со старшими.

– Без сопливых обойдемся! – Федор снял с банки крышку и осторожно заглянул внутрь. У всех перехватило дыхание.

– Трава какая-то! Где паук, под травой, что ли? – Он протянул было палец, чтобы раздвинуть траву, но Катя с криком: «Не смей! Он тебя укусит!» – повисла у него на руке.

Банка выскользнула у ее брата из рук, упала на пол и перевернулась. Из нее на ковер выпали пучок травы и несколько веточек.

– Грузуликус сбежал! Сейчас кусать всех начнет! – завopil Антон Данилов, а Анька Иванова завизжала так пронзительно, что едва не треснули стекла.

– Спасайтесь – или вы все трупак! – закричал Мокренко.

Хотя самого грузуликуса никто пока не видел, Федор, поддавшись панике, совершил с места двухметровый прыжок через стул и оказался у дверей. Рита и Катя вскочили с ногами на диван, Антон животом бросился на стол, подмяв торт с двенадцатью свечками, и даже Филька дал стрекача, не забыв захватить со стола блюдо с копченой колбасой.

– Идите все сюда! Быстрее! – позвал брат Федор из коридора, вооружившись веником.

Все, кроме Кольки, мешая друг другу, выскочили из комнаты и скрылись за дверью. Филька Хитров уминал колбасу, заявив, что это у него на нервной почве, а остальные во все глаза смотрели на пол, не появится ли паук.

– Где он? – спросила Катя.

– Маскируется! И осторожнее, он прыгает! – шептал Петька, отмахиваясь старой зимней шапкой, словно хотел отбить паука на лету.

– Егоров, беги к нам, а то он тебя укусит! – кричали они Кольке. Ребята вооружились кто ботинком, кто тряпкой, а Антон, весь в креме от торта, притащил пылесос, включил его в сеть и пытался засосать грузуликуса.

– Я его вижу! Он под столом! Бежит к нам! – вдруг завопила Иванова, и храбрые охотники, кинув оружие, поспешно ретировались на кухню. Бросив пылесос, Антон вскочил на подоконник и стал примериваться, можно ли спрыгнуть со второго этажа. А Самойлова схватила телефонную трубку, соображая, куда звонят, когда сбегает паук: в милицию или пожарным.

– Коля, Коленька! Сделай что-нибудь! – взмолилась Сундукова, протягивая к нему руки.

У Егорова мелькнула мысль признаться во всем и крикнуть, что никакого паука нет, но он сообразил, что тогда будут смеяться не только над ним, но и над Катей. И он решил сделать все возможное, чтобы проделка с паукусом не выплыла наружу. «Что бы такое придумать?» – лихорадочно соображал он, оглядывая комнату. Коля посмотрел на стол, увидел тарелку с салатом, и спасительная идея пришла сама собой.

..Рита и Катя вскочили с ногами на диван, Антон животом бросился на стол,

**подмяв торт с двенадцатью свечками,
и даже Филька дал стрекача,**

**не забыв захватить со стола
блюдо с копченой колбасой**

Он незаметно бросил на пол кусочек свеклы и несколько раз ударил по ней ботинком, пока она не превратилась в красное пятно непонятного происхождения.

– Готов! Я его раздавил! – крикнул он.

– Ты жив? Он тебя не укусил? – в дверях показалась голова брата Федора.

– Не успел, – успокоил его Коля, продолжая втирать свеклу в ковер.

За Федором в комнату несмело вошли остальные. Вначале Филька, за ним – Катя, Аня, Петька, Рита и последним осторожный Антон.

Коля с видом героя замер над красным пятнышком.

– Ишь ты какой был жирный! Насосался кровищи! – восхищенно отметил Мокренко, разглядывая пятно.

– Так сплющился, что и не разберешь! – присвистнул Антон.

– Здорово ты его! Не боялся, что тяпнет? – участливо спросил Филька.

Катя грустно наклонилась над пауком.

– Может, так оно и лучше, а? Все равно я бы его боялась. Ночью казалось бы, что он вылез и ползет ко мне, – всхлипнула она и стала собирать со стола остатки торта, в то время как его крем Антон Данилов счищал со своего парадного костюма.

Коля чувствовал, что из-за него испорчен день рождения, но вдруг на площадке послышались веселые голоса и появились родители Кати. В руках у отца была большая клетка, а в ней сидела зеленая нахохлившаяся птица.

– А вот и наш подарок! – громко сказал папа. – Его зовут Петруша!

Услышав свое имя, попугай щелкнул клювом, повернул голову и громко закричал:

– Петр-руша! Петр-руша!

Катя бросилась к клетке. Паукос грузуликос был забыт. Брат Федор салютовал пробкой безалкогольного шампанского, и праздник продолжился.

Рассказ восьмой

Дуэлянты

Однажды Коля Егоров поссорился с Петькой Мокренко. Ссора, как бывает у благородных людей, произошла из-за дамы – Кати Сундуковой, в которую Мокренко попал огрызком яблока. Девочка вскочила, покраснела, бросила на обидчика гневный взгляд и вылетела из класса.

– Подумать только! Среди этого сборища трусов нет ни одного настоящего мужчины! – презрительно сказала она в дверях. В классе было немало ребят, но никто не хотел связываться со здоровенным Мокренко.

Коля Егоров и Филька Хитров не были свидетелями оскорбления и появились в классе, когда Сундуковой там уже не было. Антон Данилов немедленно рассказал им о случившемся.

Коля, которому Катя нравилась, вспыхнул и хотел немедленно броситься на Петьку с кулаками, но Филька удержал его:

- Не горячись! Этот жиртрест сильнее тебя в три раза!
- Пускай отколотит, я не намерен ему спускать! Если не вступиться, Катя решит, что я такой же трус, как остальные, – кипел Коля.
- А ты и не будешь ему спускать, – успокоил друга

Хитров. – Ты вызовешь его на дуэль, как Пушкин Дантеса.

– На дуэль?

– А почему нет?

Друзья о чем-то недолго посоветовались, после чего Егоров подошел к Петьке и громко сказал:

– Мокренко! Ты толстый боров!

Тот нахмурился и посмотрел на свой увесистый кулак:

– Нарываешься?

– Нарываюсь! – подтвердил Коля.

– Считай – нарвался! Готовь стакан для зубов и морозилку для оторванных ушей. Когда будем драться, сейчас или после уроков?

Угрозы первого силача были вполне оправданы: в прошлом месяце он уже выбил зуб парню из соседнего класса.

– Ты, кажется, чего-то не понял, Мокренко! Никакого мордобоя не будет – он вызывает тебя на дуэль! – сказал Филька, подходя к ним.

– На какую дуэль? – фыркнул Петька.

– На дуэль, живым из которой выйдет лишь один. Тут затронута честь дамы, и синяком под глазом не обойдешься. Пушкин с Дантесом тоже не кулаками дрались, – объяснил Хитров.

– И где будет дуэль? – спросил Мокренко.

– Знаешь недостроенную плотину?

– Возле реки?

– Вот именно. Как ты помнишь, там на высоте примерно

третьего этажа проходит бетонная свая. Вы будете драться на этой свае, пока кто-нибудь не упадет вниз.

У Петьки отвисла челюсть.

– Там мелко и валуны из-под воды торчат, – пробормотал он. – Если со сваи шлепнешься, то того... уноси готовенького.

– А ты как хотел? Это дуэль, и живым из нее выходит только один, – напомнил ему Колька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.